

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Hrsg.). *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und in der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. 394 S.

Михаил Львович Котин

Институт германистики Зеленогурского университета, Зелена-Гура, 65-001, Польша; Институт германистики Университета им. А. Мицкевича, Познань, 61-874, Польша
michailkotin1@gmail.com

Michail L. Kotin

Instytut Filologii Germańskiej Uniwersytet Zielonogórski, Zielona Góra, 65-001, Polska; Instytut Filologii Germańskiej Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Poznań, 61-874, Polska
michailkotin1@gmail.com

В языковедении едва ли можно найти более яркое доказательство правомерности впервые в 1958 г. предложенного Э. Косериу разграничения системы и нормы в языке, чем возникновение и судьба смешанных диалектов в ареалах интенсивных языковых контактов. 19 статей рецензируемого сборника, написанных на немецком (13) и английском (6) языках, рассматривают разные аспекты структуры и функционирования двух таких феноменов — белорусской «трасянки» (в первоначальном значении — малоценной смеси разных видов сена, полученной при его «перетряхивании») и украинского «суржика» (производного от названия хлеба, в состав которого входит мука разных злаков). Возникновение таких явно оценочных названий, которые редакторы тома предлагают заменить на нейтральные «белорусско-русская смешанная речь» (БРСР) и «украинско-русская смешанная речь» (УРСР) (см. с. 4), подчеркивает исконную отрицательную коннотацию языковой смеси, содержащей элементы соседствующих говоров и/или литературных языков в условиях диглоссии, стремящейся к билингвизму (ср., в частности, статью Х. Бидера в рецензируемом сборнике, в особенности с. 101). Такая оценка вполне ожидаема по причинам, относящимся к области широко понимаемой языковой нормы и господствующих представлений о том, каким должен быть некий абстрактный «хороший» язык. С другой стороны, с точки зрения языковой органики контакты всегда ведут к реализации дремлющих в автономно существующих диалектах тенденций, ускорению процессов языковых изменений, «выравниванию» форм, спонтанной селекции, а в конечном итоге к возникновению весьма жизнеспособных структур. Однако их дальнейшая судьба во многом зависит от внешних факторов. Чем, если не своего рода «суржином», первоначально являлся, например, лежащий в основе современного немецкого литературного языка Германии восточносредне немецкий диалект, возникший в результате интенсивных контактов переселенцев из ее «старых» западных, юго-восточных, а отчасти и северо-западных территорий [Frings 1936]? Очевидно, что ни БРСР ни УРСР, с чисто системной точки зрения, возможно, обладающие вполне сравнимым потенциалом, никогда не станут литературными языками ввиду отсутствия у них необходимого для этого социокультурного, политического и прочего ресурса, который наличествовал в Саксонском Курфюршестве в XV—XVIII вв. Ожидать следует скорее обратного — оба смешанных диалектных варианта будут все больше вытесняться на периферию коммуникативного поля, уступая место «традиционным» языковым формам соседствующих языков в области их автономного функционирования, то есть вдали от территорий соприкосновения их носителей. Это объясняется выраженными центростремительными тенденциями и как сознательным,

так и стихийным снижением интенсивности интеграционных процессов в восточнославянских языковых ареалах. Таким образом, спонтанные процессы языковой интеграции в значительной степени подавляются возрастающим престижем национальной и языковой самоидентификации, внеположенной тому, что можно отнести к сфере «языковой органики».

Рецензируемый сборник состоит из работ, рассматривающих обе составляющие описанной выше проблемы — «естественную» (внутрисистемную) и «искусственную» (социокультурно-нормативную). Г. Хентшель в обширной вступительной статье, где представлены главные направления исследования БРСР и УРСР и дано краткое описание каждой из опубликованных работ, признает, что статьи отличаются высокой степенью гетерогенности, которая касается прежде всего теоретических основ и вытекающей из них методологии анализа языкового материала (с. 25). Само по себе разнообразие концепций, пусть в рамках одного сборника, можно было бы только приветствовать. К сожалению, в рецензируемом сборнике методологический разнобой зачастую достигает критической отметки, а целый ряд тезисов, не только выдвигаемых авторами отдельных статей, но и в известной мере пропихиваемых книгу в целом, нельзя рассматривать иначе, как лингвистические курьезы. Так, едва ли не в половине работ обсуждается вопрос о том, относятся ли оба рассматриваемых феномена к языку или к речи (большинство авторов, ставящих данный вопрос, склонны утверждать второе), причем открыто указывается, что имеется в виду именно классическая сосюрдовская дихотомия *langue* vs. *parole* (ср. статьи Н. Мечковской, Г. Цыхуна, Л. Масенко и др.) [Saussure 1916]. Как внутри данной дихотомии речь может существовать без языка и зачем в этом случае сам Ф. де Соссюр вводит столь ясный методологический интеграл, как *langage*, остается за рамками этой необычной теоретической дискуссии. Робкие попытки поставить под сомнение саму возможность функционирования бессистемной и «безузусной» речи, предпринимаемые, в частности, Г. Хентшелем, С. дель Гаудио, отчасти И. Климовым (ср. с. 17—18, 165—168, 291—292), при всей их обоснованности, не сформулированы как методологический императив, а следовательно, могут толковаться как точка зрения, альтернативная якобы столь же приемлемой гипотезе, расщепляющей сосюрдовскую дихотомию. Впрочем, статья дель Гаудио, содержащая целый ряд существенных положений, касающихся структуры и функций УРСР, в частности, абсолютно правомерный перенос акцента на исторический и диахронический аспекты проблемы, так и называется: «Альтернативная интерпретация суржика [...]», хотя по целому ряду параметров предлагаемый автором анализ является методологически единственно приемлемым. К счастью, вопрос о том, как вообще возможно общение носителей диалекта при отсутствии узуса, все же ставится в достаточно категоричной форме в обширной и теоретически выверенной статье Х. Бидера (с. 116). В этой же работе выдвигается целый ряд существенных и подкрепленных детальным анализом материала положений, из которых следует особо выделить тезис о разных типах (вариантах) белорусской трасянки (с. 105—107).

Другим «новшеством» является отождествление узуса и нормы среди прочих в статье Н. Мечковской, причем как трасянке, так и суржику в наличии узуса отказано (с. 54) и они определяются как «хаотично русифицированные субстандартные идиолекты» (с. 55). Подобная точка зрения характерна и для работы С. Запрудского, в которой на с. 119, по-видимому, из-за невольной ошибки автора, сказано, что в предложении *желательна зделати савьяшчанне и исчарпач 'еци вапрасы, каб сздач упечатленне* «почти все лексемы являются русскими (или скорее церковнославянскими (разрядка моя. — М. К.))». Трудно себе представить, что может быть дальше от церковнославянского языка, чем столь явный набор советских канцеляризов из полуабсурдного по содержанию текста 1928 г.

Норма, как известно, присуща в полной мере лишь литературным языкам и характеризуется такими признаками, как кодифицированность на основе сознательного отбора из различных вариантов, стилистическая дифференцированность, высокий уровень функциональной стратификации и т. п. (ср. [Coseriu 1958; 1979; Семенюк 1970; Горбачевич 1978]). В рамках узуса «нормирование», если данное понятие здесь вообще уместно, носит всегда более или менее спонтанный и хаотичный характер, относясь скорее к сфере языковой

органики, нежели к сознательной и целенаправленной языковой селекции. Однако это ни в коей мере не означает асистемности узуса, поскольку системность присутствует везде, где есть любой языковой код, сколь хаотично бы он ни выглядел на первый взгляд. Задача лингвиста как раз и заключается в том, чтобы выявить системные закономерности, стоящие за видимым хаосом смешанных языковых форм, и определить тенденции дальнейшего развития полудиалектов и койне разного происхождения и характера.

Следует отметить, что с этой задачей многие авторы сборника справляются достаточно успешно. В особенности это следует отнести к статьям, возникшим в результате проведенных в соответствующих языковых ареалах экспериментальных исследований в рамках так называемого Ольденбургского проекта, реализуемого немецкими учеными из Ольденбургского университета в кооперации с их украинскими и белорусскими коллегами. Жанр сравнительно краткой рецензии не позволяет подробно рассмотреть все или хотя бы большинство выводов, которые представлены в отдельных статьях сборника. Ограничимся поэтому важнейшими вопросами, которые, на наш взгляд, выходят за рамки изучения БРСР и УРСР, обогащая представления и методологический и терминологический инструментарий современной ареальной лингвистики и исследования языковых контактов.

Одной из центральных статей сборника, рассматривающих системность БРСР и УРСР на примере дистрибутивного анализа белорусских и русских вариантов служебных слов, выступает работа руководителя Ольденбургского проекта Г. Хентшеля. Теоретической базой работы являются как классические дихотомии Ф. де Соссюра (*langue — parole*) и Н. Хомского (*competence — performance*) в их строгом синхроническом понимании, так и исключительно продуктивная концепция П. Гардера [Harder 2003], разграничивающая долговременные (органические) и краткосрочные (социокультурные) механизмы диахронических процессов (с. 193—194). Методологически безупречно проведено также центральное с точки зрения исследовательских задач статьи и проекта в целом разграничение между системой и нормой, в основу которого положена концепция Э. Косериу [Coseriu 1979]. Проблемам языковой вариативности отводится при этом основное место (с. 195—202). В аналитической части статьи на основе обширного корпуса сопоставляются русские и белорусские формы служебных слов по количественным и качественным параметрам, приводимые в сравнительной таблице на с. 205—206. Единственное замечание к таблице — в графе *u*) на с. 206 форма *здесь* противопоставляется форме *тут* как якобы русская и соответствующая ей по значению белорусская формы. В действительности в русском языке присутствуют обе формы в одинаковом значении, хотя *тут* стилистически тяготеет к разговорной речи, тогда как *здесь* относится к нейтральному стилю. Основной вывод работы — глубинная, многоуровневая системность исследуемых смешанных диалектов, удостоверяемая их эмпирическим изучением.

Как по содержанию, так и по методологии к данной статье в известном смысле примыкают уже упомянутые выше работы Х. Бидера и С. дель Гаудио, отчасти И. Климова, а также С. Теш. Последняя содержит эмпирический, основанный на Ольденбургском корпусе анализ гибридных словоформ трясянки. При этом вычленяются и подвергаются количественному анализу формы, содержащие белорусские, русские, общие и смешанные морфы, рассматриваемые как в парадигматическом плане, так и с точки зрения синтагматики.

Особняком стоит статья Л. Биланюк, в которой рассматриваются два подхода к исследуемому феномену, причем автор ограничивается материалом УРСР. Первый подход (Л. Биланюк называет его «натуралистическим») характерен для исследователей, живущих за пределами Украины, которых интересует прежде всего собственно лингвистическое измерение проблемы, второй («идеологический» или «социально-конструктивистский»), связанный, в частности, с идеями языкового пуризма, присущ, главным образом, украинским филологам. Автор призывает к сближению обеих позиций, что, по ее мнению, позволит достичь холистического понимания смешанных языков (с. 30). Редактор тома Г. Хентшель во вступительной статье поддерживает такой подход (с. 11), что вполне можно понять, учитывая присутствие обеих концепций в редактируемом им сборнике. К сожалению, на практике такое сближение нередко приводит к смешению лингвистических, полуллингвистических

и квазилингвистических концепций, своего рода методологической «трасянке» (или «суржику»), что, в отличие от языкового смешения, всегда чревато нестыковками и неизбежно ведет к размыванию теории и методологии проводимых исследований и в итоге — к ослаблению «доказательного статуса» собственно лингвистических аргументов, что отчасти имеет место в рецензируемом томе.

Остальные работы посвящены в основном социокультурным, политическим и прочим аспектам, которые можно было бы определить как изучение экстралингвистических условий существования и развития смешанных диалектных идиом и их оценки как филологами, писателями, общественными деятелями, так и самими говорящими, в том числе использующими трасянку и суржик в повседневном общении. При этом, если одни ученые стремятся ввести данную проблематику в социолингвистический контекст, используя имеющиеся в распоряжении исследователей специальные методы анализа, то другие ограничиваются скорее общими формулировками, переходя таким образом границу между научным исследованием и научно-популярной статьей или околonaучным эссе. Два последних жанра, к счастью, не представлены в сборнике в чистом виде, однако некоторые из статей имеют отдельные черты «окололингвистических» опусов.

К. Вулхайзер посвятил свою статью соотношению социальных и структурных механизмов возникновения смешанных белорусско-русских языковых вариантов в Западной Белоруссии. Автор подвергает аргументированной критике стремление многих, в том числе считающихся ведущими, специалистов-диалектологов заместить серьезное изучение проблемы аргументацией, основанной на «анекдотических» примерах (с. 143). Статья содержит целый ряд интересных наблюдений и теоретических обобщений, касающихся взаимодействия экстра- и интралингвистических факторов при формировании БРСР под воздействием трех исконно различных языковых систем — традиционных местных диалектов, русской литературной нормы и белорусского языкового стандарта.

Итоги экспериментального исследования отношения разных групп населения к БРСР в сравнении с другими языковыми кодами на базе тестирования 500 респондентов представлены в статье А. Лянкевич. В таблицах и диаграммах на с. 242—247 обобщены вполне ожидаемые результаты социологического опроса по различным параметрам, центральным из которых является оценка статуса смешанной белорусско-русской и русско-белорусской речи.

В качестве индикаторов социальной стратификации жителей столицы Белоруссии Минска рассматривает элементы трасянки И. Лисковец. Как и в предыдущей статье, автор анализирует результаты проведенного социологического опроса, содержащего, между прочим, мотивы, по которым тот или иной вариант признается более приемлемым, а следовательно, получает более высокую «статусную» оценку респондента.

Работа М. Набелковой и М. Слободы посвящена сопоставлению белорусской трасянки и смешанной чешско-словацкой речи, прежде всего с точки зрения оценки их статуса и распространения на основе изучения высказываний на данную тему в Интернете. В отличие от трасянки (от себя добавим — и суржика), чешско-словацкий смешанный языковой код не всегда рассматривался как смешанный диалект и восходит к представлению о чешском и словацком как якобы двух вариантах «единого чехословацкого» языка, сравнимого с сербохорватским языком, который сегодня также отвергается в пользу деления на сербский и хорватский. Последнее сравнение, не вполне корректно (о наличии сербохорватского языка можно спорить, но постулировать «чехословацкий» язык, в силу чрезвычайно высокой гетерогенности обеих его «составляющих», едва ли возможно), что, впрочем, выходит за рамки тематики рецензируемого сборника.

О. Тараненко изучает вопросы, связанные со статусом, оценкой, а также с тенденциями развития УРСР. Статья содержит как социологический и социолингвистический, так и собственно лингвистический материал. Преимуществом работы, несомненно, является солидная эмпирическая база. Вывод автора о сосуществовании в УРСР спонтанного и конвенционализированного языкового смешения в целом представляется обоснованным и подкреплен достаточным объемом и разнообразием исследуемого материала. УРСР, по мнению

Тараненко, представляет собой не форму сближения с русским языком, а смешанный социолект специфического типа. В полемике с другими украинскими, а также с белорусскими диалектологами он поддерживает тезис о системности и конвенционализированности УРСР и БРСР, а также о наличии в них узуса. Учитывая, что значительная часть белорусских и украинских лингвистов ставит данный (на мой взгляд, столь же несомненный, сколь тривиальный) вывод под сомнение, можно считать его дополнительное обоснование существенным и заслуживающим положительной оценки. Что касается двух негативных прогнозов автора относительно возможности возникновения «чистого» украинского разговорного языка на базе литературного стандарта, с одной стороны, и возможности сближения украинского стандарта с «живой» УРСР, с другой, то, при всей своей спекулятивности (в силу аргументации, основанной не столько на данных «внутренней» истории языковых кодов, сколько на таких изменчивых, а потому ненадежных параметрах, как субъективная оценка языка самими говорящими, языковая политика государства и т. п.), на сегодняшний день они действительно наиболее вероятны.

В статье Н. Шумаровой, которая рассматривает УРСР не как диалектную прослойку между украинским и русским, а как вариант украинского языка, утверждается, что суржик является языком общения миллионов жителей Украины, причем далеко не только малообразованных слоев населения. Ситуация диглоссии постулируется в статье — достаточно обоснованно — отчасти в отношении русского, отчасти — украинского языка. Суржик, по мнению автора, не является социолектом, поскольку характерен не только для одной ограниченной социальной группы. В целом, в отличие от других авторов, Н. Шумарова исходит из признания достаточно слабого, ограниченного влияния русского языка на украинский суржик. Правда, в работе отсутствует количественный анализ единиц и структур разных уровней языковой системы, который подтверждал бы данную гипотезу, но обширные фрагменты анализируемого корпуса являются заменой статистического исследования, пусть и не равноценной. Следует отметить, что автор весьма удачно совмещает лингвистическую и социокультурную методологию и аргументацию.

Л. Масенко выступает за разграничение понятий «просторечие»¹ и «суржик», полагая, что в основе русского просторечия лежит городское койне, тогда как суржик основан прежде всего на сельских говорах. Помимо этого, просторечие является, по ее мнению, внутриязыковым, а суржик — межъязыковым феноменом. При оценке статуса и уровня влияния суржика на украинский литературный язык и украинские диалекты автор придерживается крайней негативной, при этом не имеющей отношения к собственно лингвистическому анализу, позиции, отказывая УРСР не только в узусе, но и в простой системности (чего по определению не может быть ни в одном языковом коде), а также утверждая, что суржик разрушает связи между украинскими диалектами и украинским языковым стандартом (о каких связях здесь идет речь и как именно они могут быть разрушены посредством УРСР, остается за рамками статьи) и способствует распространению на Украине русского языка. Последнее утверждение лишено оснований, поскольку смешанные диалекты не приводят к замещению одного литературного стандарта другим, а, напротив, потенциально создают условия для возникновения новых языковых стандартов (возникнут ли они в действительности, зависит от целого ряда факторов). Приводимые автором на с. 342 данные об использовании суржика 14 % этнических украинцев и «всего» 5 % этнических русских и сделанный из этого вывод о русификации этнических украинцев посредством суржика с научной точки зрения является курьезом и носит исключительно «идеологический» характер, выступая свидетельством того, что некоторые вопросы даже в научном сборнике, к сожалению, далеко не всегда рассматриваются *sine ira et studio*.

¹ В сборнике многократно подчеркивается, что в немецком языке отсутствует эквивалент данного понятия и содержатся предложения его описательной характеристики, в переводе на русский звучащей, например, как «сниженно-разговорная речь». Отметим, что данному понятию, на наш взгляд, вполне соответствует немецкий термин «saloppe Sprache / Rede».

Исследуя функционирование суржика в небольшом городе недалеко от Киева, Б. Тарасенко приходит к выводу об усиленном распространении УРСР в том числе среди городской молодежи. Из статьи следует, что смешанный украинско-русский языковой код развивался вопреки языковой политике как в советский период, так и сегодня. Автор анализирует элементы и структуры суржика в выбранном регионе на разных уровнях языковой системы. Однако в конце статьи она, словно некий обязательный рефрен вроде известного «*ceterum censeo...*», повторяет никак не связанный с предыдущим эмпирическим исследованием и не доказываемый расхожий «самоочевидный» тезис о разрушительном влиянии суржика на украинский язык.

Сборник завершает статья Л. Ставицкой, увидевшей проблематику УРСР в совершенно ином свете — как специфическое средство коммуникации в постмодернистском литературном дискурсе. Суржик она называет незаконнорожденным дитятей постмодернизма, а борьбу с ним под флагом чистоты украинского языка — «невротическим пуризмом», которому, к сожалению, мало кто сопротивляется (с. 356). Более нейтральная, на ее взгляд, оценка белорусской тряснянки, связана с большей структурной близостью белорусского и русского языков. Данный тезис представляется не вполне корректным: во-первых, степень родства всех восточнославянских языков вполне сопоставима с точки зрения потенциала их взаимовлияния в регионах непосредственного или опосредованного языкового контакта; во-вторых, пуризм всегда отмечен повышенной эмоциональностью и столь явной «глухотой» к объективным лингвистическим аргументам, что критерии генетического или типологического родства ничего не меняют в принципиально отрицательной оценке пуристом смешения диалектов и языков.

В целом рецензируемый сборник с полным основанием можно назвать типичным «продуктом времени». Подзаголовок «Языковой инцест в Белоруссии и на Украине?», хотя и содержит знак вопроса, к сожалению, подразумевает положительный ответ большинства не только неспециалистов, но, что наводит на самые грустные размышления, также ученых-лингвистов, в том числе диалектологов. К счастью, остаются исследователи, способные изучать данную проблематику вне зависимости от постоянно меняющейся политической и прочей конъюнктуры. Именно работы этих ученых, широко представленные в сборнике, обуславливают его несомненную научную ценность и существенный вклад в развитие современной ареальной лингвистики и теории языковых контактов на примере в высшей степени интересных феноменов — белорусско-русской и украинско-русской смешанной речи в областях интенсивных контактов носителей близкородственных языков. Книга адресована диалектологам, специалистам в области языковых контактов, социолингвистике, истории языка и языковых изменений. Она может быть также полезна лингвистам, изучающим фонетику, грамматику, лексический состав языка, отдельные аспекты прагматики и теории речевых актов, а также — при условии критического чтения и осознанного выбора статей, основанных на объективном и беспристрастном анализе языкового материала, — всем, кто интересуется актуальными вопросами взаимовлияния языков в их научном освещении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Горбачевич 1978 — Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1978. [Gorbachevich K. S. *Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Norms of Modern Standard Russian]. Moscow: Prosveshchenie, 1978.]
- Семенюк 1970 — Семенюк Н. Н. Норма // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. [Semenyuk N. N. Norm. *Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka*. Moscow: Nauka, 1970.]
- Coseriu 1958 — Coseriu E. *Synchronia, diachronia e historia: El problema del cambio linguístico*. Montevideo: Universidad de la República, 1958.
- Coseriu 1979 — Coseriu E. System, Norm und Rede. Coseriu E. *Sprache. Strukturen und Funktionen*. 3. Aufl. Tübingen: Narr, 1979.
- Frings 1936 — Frings Th. *Die Grundlagen des Meissnischen Deutsch. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der deutschen Hochsprache*. Halle: Niemeyer, 1936.

Harder 2003 — Harder P. The status of linguistic facts: Rethinking the relation between cognition, social interaction and utterance from a functional point of view. *Mind and language*. 2003. Vol. 18. No. 1. Pp. 52—76.
Saussure 1916 — Saussure de F. *Cours de linguistique générale*. Lausanne; Paris: Payot, 1916.

Е. Р. Добрушина. Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М.: Издательство ПСТГУ, 2014. 270 с. [Е. R. Dobrushina. *Korpusnyye issledovaniya po morfemnoi, grammaticheskoi i leksicheskoi semantike russkogo yazyka* [Corpus-based studies on morphemic, grammatical and lexical semantics of Russian]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU, 2014. 270 p.] ISBN 978-5-7429-0925-5.

Илья Борисович Иткин

И'ya B. Itkin

Институт востоковедения РАН, Москва, 107031, Россия; школа «Муми-Тролля», Москва, 125080, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия
isv@gol.ru

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 107031, Russia; Mumi-Troll School, Moscow, 125080, Russia; National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia
isv@gol.ru

«Длинное» название книги избранных работ известного лингвиста, заведующей кафедрой современного русского языка филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Екатерины Роландовны Добрушиной достаточно точно соответствует ее структуре и наглядно отражает широту научных интересов автора.

Сборник состоит из четырех глав: «Морфемная семантика», «Грамматика», «Дискурсивные слова» и «Лексическая семантика и лексикография», — каждая из которых разбита на подразделы (как правило, публиковавшиеся раньше в виде отдельных статей). Прежде чем обратиться к рассмотрению каждой из этих четырех глав, необходимо сказать несколько слов о двух предшествующих им разделах, также играющих важную роль в идейной структуре книги, — предисловии молодого лингвиста А. Б. Летучего и кратком вступлении «От автора».

А. Б. Летучий выделяет основные особенности научной методологии Е. Р. Добрушиной, в числе которых должны быть названы прежде всего систематическая ориентация на корпусные данные, комплексный анализ языковых явлений, сочетание синхронического и диахронического подходов. В то же время, оговариваясь, что в рамках избранного им жанра такое упоминание «неуместно» (с. 6), автор предисловия отмечает наличие в книге ряда спорных решений.

Е. Р. Добрушина в своем вступлении подчеркивает, что работы, вошедшие в книгу, во многом являются результатом участия автора в трех коллективных проектах: «Проекте описания русских дискурсивных слов, приставок и предлогов» под руководством Д. Пайара, «Лингво-энциклопедическом словаре русской христианской лексики», инициированном свящ. К. О. Польсковым, и «Корпусном описании русской грамматики» (известном как «РусГрам»), замысел которого принадлежит Е. В. Рахилиной и В. А. Плунгяну. Сама тональность рассказа об этих проектах, равно как и искренние слова благодарности в адрес многочисленных учителей и коллег свидетельствуют о двух качествах, свойственных, увы, далеко не всем представителям научного мира, но в полной мере присущих Е. Р. Добрушиной: умении работать в команде и умении быть по-настоящему признательным тем, кто составляет для исследователя его научную среду.

Глава «Морфемная семантика» посвящена одному из «вечных» (и, безусловно, «проклятых») вопросов русистики — описанию значений русских глагольных приставок. Е. Р. Добрушина является убежденной сторонницей инвариантного подхода к представлению семантики многозначных единиц. Как кажется, само по себе это не хорошо и не плохо: аргументы сторонников и противников поиска инвариантов достаточно известны, и ни одну из двух противостоящих точек зрения в настоящий момент нельзя признать более убедительной. «При прочих равных» инвариантный подход выглядит, пожалуй, даже привлекательнее: